

«У времени в плену»: политическая и литературная судьба Э. Коцбека

Аннотация:

Статья посвящена поэту Эдварду Коцбеку, судьба и творчество которого оставили значительный след в словенском культурном сознании. Христианский социалист, приверженец персонализма, он принимал активное участие в антифашистской борьбе, был одним из лидеров Освободительного фронта Словении, занимал высокие руководящие посты. После войны открыто выступал за свободу творчества и право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, чем заслужил репутацию диссидента. В своих художественных и документальных произведениях первым сделал попытку показать военную действительность с позиций христианского экзистенциализма и этической онтологической ответственности, за что подвергся массивной травле со стороны действующей власти. Был отправлен в отставку и находился под наблюдением спецслужб, в течение десяти лет оставался в общественной изоляции и на родине не публиковался.

Ключевые слова:

Эдвард Коцбек, словенская литература, лирика, метафизическая свобода, инакомыслие

Nadezhda N. STARIKOVA
(Moscow)

«In captivity of time»: E. Kocbek's political and literary fate

Abstract:

The article focuses on the poet Edvard Kocbek, whose real-life model and works left a significant mark in the Slovenian cultural consciousness. A Christian socialist, an adherent of personalism, he took an active part in the anti-fascist struggle, was one of the leaders of the Liberation front of Slovenia, occupied high-level positions. After the war, he openly advocated freedom of creativity and the right of the artist to an individual, critical attitude to reality, which earned him a reputation of a dissident. In his artistic and documentary works he was the first who

attempted to show the military reality from the standpoint of Christian existentialism and ethical ontological responsibility, for which he was subjected to massive harassment by the current government. He had been retired, was in public isolation under the supervision of special services, and for ten years was deprived of the opportunity to publish in the homeland.

Keywords:

Edvard Kocbek, Slovenian literature, poetry, metaphysical freedom, nonconformity

... Вся глубина проблемы не в достижении такой организации общества и государства, при которой общество и государство давало бы свободу человеческой личности, а в утверждении свободы человеческой личности от неограниченной власти общества и государства.

Н. Бердяев

*Поэзия — самое правдивое
и глубокое постижение реальности*

Э. Коцбек

Эдвард Коцбек (1904–1981) — знаковая и, увы, во многом трагическая фигура словенской литературы и культуры XX в., выдающийся поэт, политик, мыслитель, активный участник национально-освободительного движения, «одна из самых разносторонних творческих личностей словенского культурного пространства»¹. И едва ли не единственный словенский писатель второй половины XX в., чья общественно-политическая позиция оказала сильнейшее влияние на культурную жизнь Словении. Масштаб и многоплановость этой личности, духовные искания которой были во многом схожи с экзистенциальной диалектикой внутренней свободы Н. Бердяева, свободы как фундаментальной основы личностного бытия, взаимосвязанность антропологических метафизических открытий Коцбека с открытиями художественными, аксиологические составляющие его произведений до сих пор вызывают на родине интерес и споры². В период централизованной системы руководства культурой и контроля над литературной жизнью Коцбек открыто выступал за свободу творчества и право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, чем уже в 1950-е гг. заслужил в социалистической Югославии репутацию диссидента,

борца с тоталитарным режимом. «Для молодого поколения современников [...] Эдвард Коцбек стал символом свободомыслия и независимой творческой и политической инициативы»³, его пример показал, что с провозглашенной компартией монополией на единственно разрешенный тип творчества можно бороться, этико-философская позиция и эстетические взгляды Коцбека оказали огромное влияние на писателей послевоенного поколения М. Рожанца, Й. Сноя, Д. Зайца, Д. Янчара, Т. Шаламуна и др., на тех, чья художественная практика определила вектор развития словенской литературы второй половины XX в. «Несгибаемость и бескомпромиссность, присущие Коцбеку и нашедшие отражение в его поэтике, снискали уважение и молчаливое восхищение современников и способствовали легитимации усилий следующего поколения словенских инакомыслящих от литературы»⁴, — пишет автор монографии «Словенский писатель. Эволюция роли творца-производителя в национальном литературном процессе» М. Дович (глава «Писатель-диссидент»). След, оставленный Коцбеком-художником в национальном культурном сознании, весьма значим, между тем, число его опубликованных при жизни книг сравнительно невелико: шесть поэтических сборников (первый, 1924 г., — юношеских стихов, последний, 1977 г., — избранных стихотворений), три книги дневников, один сборник новелл и два сборника эссе. Однако некоторые из этих изданий — поэтические «Земля» (1934) и «Ужас» (1963), прозаические «Товарищество» (1949) и «Страх и мужество» (1951), сразу же становились событием не только литературной, но и общественной жизни Словении и шире — СФРЮ, при том, что в публикационной истории автора вынужденная пауза длилась целое десятилетие. В течение почти полувека Коцбек вел дневник, в котором тщательно, с документальной точностью фиксировал факты, происшествия, встречи, свою интеллектуальную, нравственную и эмоциональную реакцию на них, подробно описывая и анализируя при этом и свои душевные состояния. Эта хроника — ценнейшее свидетельство времени, высвечивающее все его завоевания и катастрофы, изломы и противоречия, «личная история» эпохи, созданная ее свидетелем и отчасти творцом.

Мировоззрение и эстетические вкусы Коцбека складывались в межвоенный период и были обусловлены не только биографическими факторами, но и обстоятельствами национальной истории и

культурным контекстом. Оказавшись после Первой мировой войны осколком побежденной, развалившейся Австро-Венгрии, Словения, не имевшая своей государственности, попала в орбиту югославского интеграционализма и вошла составной частью в Королевство сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевство Югославия), впервые в своей истории получив частичный суверенитет. Именно в это время в Любляне открылся первый университет (1919), где Коцбек учился, затем Словенская академия наук и искусств (1938) и другие учреждения общенациональной значимости. Межвоенная словенская литература развивалась в атмосфере напряженных философских и идеологических споров, свободного творческого поиска и эстетического плюрализма, следствием которых стали значительные художественные достижения. Идеиный и духовный кризис, охвативший всю Европу после мировой войны, требовал новых философских обобщений, новой архитектоники духовных исканий. В 1920–30-е гг. на словенских писателей заметное влияние оказала экзистенциально-религиозная философия С. Кьеркегора, К. Ясперса, Р. Гвардини и М. Хайдеггера, Э. Мунье. Существенное влияние на обновительные процессы в искусстве начинает оказывать и поэтика авангарда, в первую очередь, экспрессионизма, в русле католического вектора которого складывалась творческая личность Коцбека. Как никакое другое авангардное искусство, экспрессионизм был созвучен состоянию людей, переживших потрясения Первой мировой войны и разруху послевоенного времени. Его появление на словенской почве было обусловлено не только переживаниями военной катастрофы и нестабильностью мирного времени, но и национальной судьбой: почти треть словенцев оказалась после войны на отторгнутых от родной земли территориях. Связанные сочувствием к бесправным слоям общества, революционное и католическое направления словенского экспрессионизма различались по идеологии, проблематике, выбору средств борьбы с несправедливостью. Одни видели выход в революционной борьбе, другие, в том числе Коцбек, — в свободе воли, нравственном самоусовершенствовании личности, всеобщем духовном обновлении.

Еще в школьные годы Коцбек, сын церковного органиста, участвовал в собраниях католической молодежи, затем поступил в Мариборскую духовную семинарию, которую бросил и перевелся

в Люблянский университет, где изучал романскую филологию (впоследствии, в период остракизма знание французского обеспечило его куском хлеба, результатом чего стали блестящие переводы Бальзака, Мопассана, Экзюпери). Начал печататься в двадцать лет в мариборской гимназической газете «Стражњи огњи» («*Stražnji ognji*»), первые «взрослые» публикации появились в 1929 г. в журнале католической ориентации «Дом ин свет» («*Dom in svet*»). В студенческие годы принимал активное участие в христианско-социалистическом движении, был редактором молодежного католического журнала «Криж» («*Križ*», 1928–30). «Студенческие годы для Коцбека — время неутомимого поиска, деятельного взаимодействия с представителями католической молодежи, начала редакторской работы и первого опыта эссеистики»⁵, — пишет И. Новак-Попов. В конце 1920-х гг. в Берлине Коцбек слушал лекции лидера движения католической молодежи Германии, влиятельного общественно-религиозного деятеля, автора книг по философии культуры Романо Гвардини. Во время стажировки в Лионе и Париже (1932) познакомился с одним из теоретиков персонализма Эмманюэлем Мунье, что окончательно определило его мировоззренческие ориентиры. «У философии персонализма, — отмечает Ф. Кумбатович, — Коцбек позаимствовал идею о революции в человеке, которая может без насилия привести общество к переменам. Эта революция опирается на христианские духовные и этические ценности, поэтому в дальнейшем Коцбек так и не принял идеологию и этику марксизма»⁶.

Идея революционного преображения внутреннего мира человека через этику христианства и философию абсолютной онтологической свободы находит выражение в дебютном поэтическом сборнике «Земля» (1934), названном критикой «магистральным текстом словенского “метафизического реализма”»⁷, где Коцбек впервые заявляет о себе как о поэте-мыслителе, который оперирует категориями Земля, Бог, Смерть, релевантными его пониманию сущности экзистенции. Лирический герой одновременно пытается слиться с изначальным ритмом мира и страстно вслушивается в собственные ощущения и духовные порывы. Предметы и особенно сама Земля в этих стихах мифологизируются, личное лирическое пространство расширяется до пределов Вселенной:

*Земля, я сам из тебя, я ко всему на тебе, земля, прикасаюсь,
и в тебя возвращаюсь....*

*... как ты, земля, прекрасна,
от твоей глубины я в смятенье...⁸*

(перевод А. Романенко)

Основой поэтического мировидения автора служит «метафизическая природа духовного начала жизни и самого ее предназначения»⁹, трансцендентальное отношение к человеку и истории; коцбековскому лирическому герою присуща рефлексия переживаний общественных потрясений, осознание сложности и неоднозначности исторических ситуаций, в которых у свободной личности всегда остается право выбора. Сборник получил высокую оценку критиков, увидевших в поэте «одного из самых одаренных авторов молодого поколения»¹⁰ (Б. Борко), в художественном почерке которого угадываются черты «человека Поля Клоделя»¹¹ (Ф. Коблар).

В конце 1930-х гг. окончательно формируется другое литературное амплуа Коцбека — он заявляет о себе как одаренный эссеист. Весной 1937 г. в журнале «Дом ин свет» вышло эссе «Размышления об Испании», посвященное разразившейся в этой стране гражданской войне, в котором резкой критике была подвергнута позиция испанской католической церкви, вставшей на сторону генерала Франко. По мнению автора, ее иерархи отказались от религиозных и этических основ христианства в пользу политической и социальной конъюнктуры. Публикация вызвала резкую негативную реакцию в словенских клерикальных кругах, писатель был обвинен в веротступничестве и скрытой симпатии к марксизму, журнал «Дом ин свет» отказался от сотрудничества с ним. «Наказанный» коллегами автор решил вопрос радикально — в 1938 г. учредил собственный ежемесячный журнал «Деянье» («Dejanje»), посвященный проблемам экономики, культуры и политики. Несмотря на то, что слово «политика» оказалось в подзаголовке издания на последнем месте, национальная политическая проблематика оставалась в центре внимания издания все три года его существования. Именно на страницах «Деянья» было опубликовано несколько важнейших политико-антропологических эссе Коцбека, направленных на мобилизацию национального политического сознания. Само название журнала («dejanje» значит «действие») призывает читателей к активной жиз-

ненной позиции. Современная эпоха, полагал Коцбек, требует от гражданина участия в политической и общественной жизни, но это участие может быть только результатом внутреннего раскрепощения и личного духовного роста. Выполнение своей общественной миссии — обязанность, а неотъемлемым правом человека при новом общественном устройстве должна стать духовная свобода, которой «не хватает современному словенцу вследствие многовекового отсутствия политической воли»¹², подчеркивает писатель в эссе «Словенский человек», опубликованном в первом номере «Деянья». После Аншлюса, когда в марте 1938 г. нацистский режим впервые вплотную приблизился к словенским границам, Коцбек со страниц своего журнала убеждал руководителей национальных политических партий в необходимости коалиции, чтобы совместно противостоять внешней угрозе и иметь возможность сознательно взять судьбу народа в свои руки.

В год начала Второй мировой войны писатель стал инициатором и одним из авторов проекта новой демократически ориентированной политической партии, стратегической задачей которой была заявлена политическая автономия Словении. Идею поддержали видные представители партии христианских социалистов А. Становник и Т. Фурлан. В ноябре 1939 г. вышел текст бюллетеня «Словенская политика», основная часть которого была предложена Коцбеком. В нем содержались новые задачи и принципы внутренней политики, направленные на обретение нацией суверенитета: «Мы хотим [...] достичь целостности словенских территорий и объединения всех словенцев, хотим установить такой социальный и экономический порядок, при котором каждый словенец будет находиться в полной безопасности [...]. Мы не хотим идеологических схваток и противоречий и выступаем за достижение полного взаимопонимания в экономической, социальной и политической сферах. Поэтому мы стремимся к координации со всеми теми политическими силами, которые также хотят преодолеть существующие в обществе противоречия и изменить нынешний политический режим»¹³.

Нападение на Югославию и оккупация словенских территорий оказались для Коцбека сильнейшим эмоциональным потрясением. Он без колебаний выбирает путь борьбы с оккупантами, становится одним из лидеров антифашистского движения, деятельным участни-

ком Антиимпериалистического фронта словенского народа (с 29 июля 1941 г. — Освободительного фронта словенского народа — ОФ), организации, объединившей представителей разных политических и общественных сил (коммунистов, христианских социалистов, представителей демократического крыла спортивного общества Королевства Югославии «Сокол», «Союза крестьянских юношей и девушек»*, группы «Старая правда»**, научно-технической и творческой интеллигенции) и начавшей борьбу за освобождение и будущее политическое переустройство Словении. Главными целями Освободительного фронта провозглашались изгнание захватчиков и консолидация словенцев в единое политико-административное сообщество. Коцбек был избран членом Исполкома ОФ, сначала находился в подполье, весной 1942 г. присоединился к югославским партизанам и участвовал в военных операциях в Нижней Крайне и Кочевском Поге.

Весной 1941 г. он выступил перед соратниками по ОФ с докладом, в котором представил позицию христианско-социалистической партии в отношении текущей ситуации. Это один из главных сохранившихся документов, последовательно раскрывающих мировоззренческие принципы Коцбека-политика. В докладе была заявлена поддержка стратегии национально-освободительной борьбы и согласие с идеей социальной революции, содержался призыв к уважительному и равноправному сотрудничеству в рамках ОФ всех национальных антифашистских политических сил на основе принципа плюрализма. Докладчик отметил роль коммунистов в словенском антифашистском движении, уточнив, что христианские социалисты не являются их политическими конкурентами. Однако он не скрывал, что между партиями есть существенные идейные расхождения: «Мы не можем согласиться с утверждением Маркса о том, что все действительные отношения проистекают только из практической деятельности, однако разделяем тезис о том, что историей движут борьба и противоречия»¹⁴. При этом присоединение своей партии

* Одна из самых многочисленных молодежных организаций на словенских территориях в 1930-е гг., начала функционировать под эгидой Независимой крестьянской партии Словении. См.: *Mally E. Slovenski odpor. Osobodilna fronta slovenskega naroda od 1941 do 1945.* Ljubljana, 2011. S. 99.

** Группа либерально ориентированной антифашистски настроенной интеллигенции во главе с инженером Ч. Нагоде, членом общества друзей Советского Союза. См.: *Ibid.* S. 101.

к ОФ, который, как он думал, мог стать гарантом социальных и духовных трансформаций словенской нации, писатель аргументировал следующим образом: сотрудничество с антифашистским движением является реальной помощью в деле национального освобождения, дает возможность внести свой вклад в процесс объединения нации и в дальнейшем оказать воздействие на реформу словенской церкви¹⁵. О глубине и универсализме общественно-политических замыслов Коцбека свидетельствуют его разработки правовой основы национальной государственности. Так, в архиве писателя чудом сохранился черновик проекта декларации прав словенского народа, написанный в декабре 1941 г. для выступления на заседании Исполкома ОФ. В этом документе, впервые опубликованном историком Я. Прунком в 1986 г., было сформулировано право «суверенного словенского народа, который дружественно сосуществует с другими народами Югославии и всеми южными славянами, на самоопределение, включающее и право на отделение»¹⁶. По мнению Прунка, в начале своей деятельности в высшем эшелоне ОФ Коцбек попал под обаяние тогдашнего политического секретаря Исполкома ОФ, комиссара Главного штаба, коммуниста Б. Кидрича, на которого, как ему казалось, имел влияние¹⁷. В это время писатель всерьез задумывается о перспективах социалистического пути развития будущего государства, полагая, что его югославская модель может оказаться более либеральной, чем советская, и видит свою социально-политическую миссию в том, чтобы убедить в этом членов КПС. «Он думал, что с помощью коммунистов перевернет словенский мир с ног на голову, создаст нового человека»¹⁸. В январе 1943 г. Кидрич и член политбюро КПЮ и Главного штаба Народно-освободительной армии Югославии Э. Кардель выдвинули кандидатуру Коцбека на пост вице-председателя Исполкома АВНОЮ (Антифашистского веча народного освобождения Югославии), затем он занимал ряд других высоких должностей, в том числе был министром по делам Словении в федеративном правительстве, вице-председателем Президиума Скупщины НРСл. Однако, по мнению биографов писателя, в своих взаимоотношениях с партийной верхушкой Коцбек был «доверчивым фантазером»¹⁹ (А. Инкрет), «реальных политических функций и полномочий после 1945 г. у него не было, все решения принимали партийные функционеры Кидрич и Кардель»²⁰ (М. Долган).

Первое серьезное политическое разочарование Коцбек испытал в начале 1943 г., когда был вынужден поставить свою подпись под документом, получившим название «Доломитская декларация», согласно которому вся полнота власти в ОФ Словении переходила в руки КПС, что заложило основу дальнейшей однопартийной системы будущего государства. В появлении этого документа существенную роль сыграл ЦК КПЮ, в борьбе за лидерство ревниво следивший за национальными антифашистскими группировками, которому к тому же ОФ Словении был подотчетен. Христианские социалисты выступили против верховенства коммунистической партии, заявляя, что КПС опирается только на пролетариат и проводит неверную политику в отношении крестьян, что в дальнейшем может поставить под угрозу единство нации. Подобные разногласия неизбежно привели бы к расколу Фронта²¹. Чтобы избежать этого, был составлен документ, в котором члены «Сокола» и христианские социалисты, входившие в ОФ, официально признавали ведущую роль коммунистов и обязались не образовывать отдельных политических организаций.

Размышления, переживания, разочарования по поводу «Доломитской декларации» и других эпизодов и встреч военных лет были опубликованы в книге дневниковой прозы «Товарищество», вышедшей в 1949 г. (тираж в 4000 экземпляров был мгновенно раскуплен), ставшей одним самых откровенных и достоверных свидетельств национально-освободительной борьбы в Словении. Соединив фактографический материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями, автор показал всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, осложненного гражданской войной, поднял вопрос о свободе выбора индивидуума, роли национальной интеллигенции в антифашистском сопротивлении и объединении нации. Через два года под заголовком «Страх и мужество» увидели свет четыре новеллы о войне — «Темная сторона луны», «Блаженная вина», «Огонь» и «Черная орхидея», в которых с позиций христианского экзистенциализма поднимается проблема этической онтологической ответственности человека за свои поступки, по какую бы сторону фронта он ни сражался, говорится о том, какова была цена нравственного выбора участников антифашистского подполья и героев партизанского Сопротивления. Авторский угол зрения заявлен и в самом названии

сборника, и в выборе в качестве эпиграфа цитаты из книги пророка Исайи о мраке и страхе («Но не всегда будет мрак там, где теперь он ступел»²²). Названная впоследствии «важнейшим рубежом в развитии словенской прозы»²³ (Д. Рупел) эта книга «открыла новую главу новейшей истории национальной литературы»²⁴ (Ф. Берник). Герои новелл — молодые антифашисты, с оружием в руках защищающие родину от захватчиков. Они образованны, изучали философию, литературу, музыку, интеллектуальный уровень и культура выделяют их из ряда простых партизан. В отличие от последних, герои-интеллигенты способны сомневаться в безусловности исторической необходимости. Так, фельдшер Дамьян, которому поручено ликвидировать своего ровесника, обвиняемого в предательстве Штефана, волею случая этого избегает (новелла «Блаженная вина»); командир Грегор, подчинившись закону военного времени, без суда приводит в исполнение смертный приговор Катарине, девушке, подозреваемой в предательстве, которую он успел полюбить (новелла «Черная орхидея»). Грегор жертвует любовью ради долга и при этом чувствует, что существует нечто высшее, трансцендентное, то, что сильнее долга, революционных задач и текущих обстоятельств. Впервые после войны получает резонанс и одна из больших тем недавнего военного прошлого — роль католической церкви в расколе словенского общества в период оккупации (новелла «Огонь»). Страх, так же как и мужество, может быть одинаково присущ и героям-антифашистам, и врагам. Вера в Бога, свобода воли и абсолютный гуманизм — такова, по мысли автора, нравственная константа поведения человека. Очень показателен здесь авторский комментарий в новелле «Блаженная вина», обращенный к спящим героям — Дамьяну и Штефану, гипотетическим убийце и жертве, не ставшим таковыми: «Оба двигались над пропастью, лежащей между добром и злом, удерживая равновесие, и сохранили человечность. Их сознание опасно приблизилось к смерти, но они не погибли, потому что противопоставили злу любовь [...]. Теперь любовь тихо подседа к их изголовью и осеняла обоих своей благодатью»²⁵. Переживания, сомнения, напряженная мыслительная работа личности, оказавшейся перед необходимостью нравственного выбора, составляют главный содержательный пласт новелл. Художник большой эрудиции и культуры, Коцбек через прямые упоминания, отсылки, аллюзии, ассоциативный ряд, цитаты

вводит в свои произведения не только национальный, но и широкий мировой историко-культурный и литературный контекст, в котором соседствуют Ф. Достоевский и Р.-М. Рильке, Ф. Ницше и В. Ленин, И. Стравинский и М. Равель. Такая нарративная манера, тяготеющая к эссеизму, усложненная философским дискурсом и аллегориями, требует от читателя не только внимания, но и значительных интеллектуальных усилий. Коцбековский интеллектуальный посыл впоследствии взяли на вооружение прозаики-модернисты 1960–70-х гг. А. Хинг, Л. Ковачич, Д. Смоле, В. Зупан. По мнению Т. Вирка, четыре новеллы, вышедшие из-под пера Коцбека, — это самая ранняя в истории национального инакомыслия художественная акция, приведшая к «ослаблению навязанных как словенской культуре в целом, так и собственно литературе стандартов мышления»²⁶.

Выходу «Страха и мужества» предшествовал ряд привычных операций: рукопись успешно прошла процедуру рецензирования, автор учел замечания коллег, штатных сотрудников Госиздата А. Водника, Й. Удовича и Я. Градишника, касавшиеся художественной стороны текста. Свои рекомендации представил прочитавший рукопись друг и соратник Коцбека по партизанской борьбе литературный критик Й. Видмар, к мнению которого тот прислушивался. Тираж поступил в продажу в сентябре, книга пользовалась спросом, первые отклики в печати — Б. Пахора в «Приморском дневнике» («Primorski dnevnik») 22 ноября и А. Баланта в «Трибуне» («Tribuna») 8 декабря — были в целом благожелательными. Казалось, ничто не предвещало бури. Однако уже 20 декабря на заседании политбюро ЦК КПС книга была раскритикована Б. Кидричем, в то время уже членом Политбюро ЦК КПЮ, раскритикована, по мнению некоторых современных историков, по директиве из Белграда²⁷. В Словении начиналась кампания против нового, либерально ориентированного журнала «Беседа» («Beseda»), в редакции которого «расцвели сартровщина и клерикализм»²⁸. Глава Агитпропа Б. Зихерл на заседании 5 января 1952 г. поставил вопрос о борьбе с негативным влиянием западного декаданса на культурный климат республики. В этой обстановке Коцбек и его новеллы оказались идеальной мишенью. Кампания по дискредитации писателя отражала нарастающие в культурной политике СФРЮ противоречия. С одной стороны, «провозглашалась автономия научного и художественного творчества», с другой — «со-

хранялся партийно-административный контроль за искусством»²⁹, ибо «власть была склонна скорее смириться с его подчеркнутой аполитичностью, нежели с критическими замечаниями в адрес партизанского движения или социалистической действительности»³⁰. В травле, развернувшейся на страницах не только республиканских, но и федеративных изданий и вполне сопоставимой с той истерией, которая через несколько лет начнется в советской печати в связи с Б. Пастернаком, участвовали и официальные лица, и герои-партизаны, и, конечно, братья во литературе. Так, классик соцреализма М. Кранец в фельетоне «Куда ведет эта дорога?» назвал опус Коцбека «книгой, унижающей наших людей»³¹. Недавний соратник по партии, христианский социалист, после войны министр республиканского правительства Т. Файфар в газете «Людска правика» («Ljudska pravica») писал следующее: «Если бы речь шла о чистой лирике, я не сказал бы ни слова, это дело писателя. Но речь идет о событиях, которые живо касаются множества наших людей и трактуют недавнее прошлое, имеющее для каждого из нас свое личное значение. Настоящий образ освободительной борьбы останется в истории во всей своей этической ценности. И сегодня, и в дальнейшем мы должны позаботиться о том, чтобы этот светлый образ никто не осквернял»³². Несмотря на теплые отношения и высказанную ранее положительную оценку произведения, критическую заметку о сборнике в журнале «Нови свет» («Novi svet») явно под давлением сверху опубликовал и Видмар, охарактеризовав художественную манеру автора как «примитивную, неинтеллигентную мистику»³³. Коцбека обвинили в принижении роли партии в народно-освободительной борьбе, осквернении светлого образа героя-партизана, обесценивании коммунистических идеалов, религиозном мистицизме, публикация сборника была признана ошибкой. Коцбека вынудили уйти в отставку, назначив при этом унижительно низкую пенсию, и навсегда вычеркнули из политической жизни страны. До начала 1960-х гг. писатель был отлучен и от любой общественной деятельности, практически не публиковался, оказался в полной изоляции. Согласно данным, приведенным М. Довичем, всего в период десятилетней опалы Коцбеку удалось опубликовать на родине в журнале христианской тематики «Нова пот» («Nova pot») под псевдонимом Янез Голоб 22 стихотворения³⁴ и несколько текстов в словенских

журналах Италии и Аргентины³⁵. За писателем следили, на него доносили, в том числе и близкие друзья, особенно активен был известный писатель и публицист Й. Яворшек. В общей сложности на Коцбека было написано 523 доноса, авторами которых выступили 69 человек³⁶. В 1959 г. Коцбек случайно узнал, что его квартиру прослушивают (микрофон был вмонтирован в раму материнского портрета). Ответом на этот произвол стало стихотворение «Микрофон в стене» — пронзительный и гневный выкрик-речитатив, обращенный к «прогрессивному» орудию спецслужб, этой «твари без глаз и без языка // уроду, умеющему только подслушивать»:

*...ты будешь слушать мое молчание,
мое молчание красноречиво,
ты обречен на уйму фактов.*

[...]

*Мое молчание открывает книги
и опасные рукописи,
словари и пророков,
старые истины и законы,
истории о верности и муках,
так что отдохнуть ты не сможешь.*

[...]

*моя настоящая месть — это стих,
я язык-пламя,
огонь, который вспыхнул
и не перестанет гореть
и испепелять³⁷.*

К этому же времени, согласно дневникам писателя, относится встреча с курировавшими его сотрудниками секретариата внутренних дел, которым было поручено «наставить заблудшую овцу на путь истинный»³⁸. Однако о том, что досье на него было заведено еще в 1944 г., Коцбек так и не узнал. История жизни и политической голгофы первого словенского диссидента нашла отражение в биографическом труде публициста И. Омерзы «Эдвард Коцбек, личное досье № 584», вышедшем в Любляне в 2010 г. В нем, в частности, представлена подробнейшая хроника преследования писателя ком-

мунистической властью, следившей за каждым его шагом, собраны анонимные и подписанные доносы, выписки из решений партийных комиссий, отчеты агентов наружного наблюдения и осведомителей. Среди последних оказались и видные деятели словенской культуры, некоторые имена тех, кто в момент выхода книги был еще жив, Омерза счел этически правильным не называть.

Возвращение Коцбека-поэта в литературу начинается в 1961 г. в период словенской «оттепели». Его дневники и эссе публикует «вольный» журнал «Перспективе» («Perspektive») и более умеренная «Наша содобност» («Naša sodobnost»), сборник лирической поэзии «Ужас» (1963) критики называют «лучшей книгой года и вехой в словенской послевоенной лирике»³⁹, ее автор в 1964 г. удостоивается высшей национальной литературной награды — премии Прешерна*. В основу большинства стихотворений положен опыт Коцбека-политика, чего не наблюдается больше ни у одного словенского поэта. Как писал другой словенский диссидент, также разочаровавшийся в революции и пострадавший от нее филолог Д. Пирьевец: «... чего-чего, а поэзии у нас хватает, но в сравнении с Коцбеком все современные лирики — сущие дети»⁴⁰. С позиции «биоцентрической метафизики» поэт продолжает вести диалог с недавним героическим прошлым и драматическим настоящим, со своими оппонентами в политике и литературе, со всей «парадигмой партизанской поэзии»⁴¹. Здесь все отчетливее проявляется тяготение автора к поэтике парадокса, тревожная, полемически острая интонация, приближение стиха к афористичной прозе и авторское «амбивалентное отношение к таким важнейшим понятиям, как страдание и протест, страх и надежда, индивидуальное и коллективное»⁴². Таково, например, стихотворение «Руки», в котором воплощена вся двойственность экзистенциальной ситуации человека, судьба которого зависит от исторических катаклизмов XX в.

* Премия была разделена между четырьмя победителями: помимо Коцбека это были поэты И. Минагги и Г. Стрниша и — гримаса судьбы — М. Кранец, один из самых активных участников расправы над сборником «Страх и мужество» и травли его автора.

*Между двумя своими руками я жил,
как между двумя разбойниками, и ни одна
из них не ведала,
что затевает другая.
Левая была безумием заражена
от сердца, а правая была разумна вполне,
потому что умела ловчить.
одна все время брала,
а другая все время теряла*

*Но когда я сегодня от смерти бежал,
Спотыкался, и падал, и вновь подымался,
и продирался сквозь терн,
и карабкался по камням,
обе руки одинаково я окровавил.
Я раскинул их в стороны,
Как две ручки большого светильника
в храме
в одинаковом их усердии. Сомненье и вера
стали одним горящим огнем,
он взымался буйно и жарко⁴³.*

(перевод Г. Кружкова)

В конце 1960-х гг. отдельными изданиями выходят партизанские дневники, переводы, итоговый поэтический сборник «Избранное». К своему 70-летию Коцбек издает книгу эссе разных лет «Свобода и необходимость» (1974), в которой рассуждает о литературе, творчестве и роли художника в обществе («О поэзии», «О Кафке», «По случаю получения премии Прешерна»), о свободе и нравственном росте человека («Поэт и христианин», «Что такое свобода», «Культура и словенцы»). В это же время в Триесте выходит книга «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени», подготовленная прозаиками А. Ребулой и Б. Пахором. Помимо статей составителей, посвященных творчеству Коцбека, она содержит большое интервью, в котором «поэт эпохи» рассказывает о роли христианских социалистов в создании ОФ, о своих колебаниях перед принятием решения подписать «Доломитскую декларацию», предает гласности одну из запретных для югославского социалистического общества тем — массового

братоубийства — истребления коммунистами ополченцев-домобранцев в 1945 г.*: «Для партии это была запретная тема [...]. В последние два военных года и сразу после войны словенские коммунисты искренне подражали советским методам и сталинской практике»⁴⁴. Откровения Коцбека получают в республике и за ее пределами широкий отклик. К разбирательству подключается ЦК КПС, писателя вновь обвиняют в искажении правды о народно-освободительной борьбе, ОФ и социалистическом строительстве. В этот раз от расправы за «идеологическую диверсию» его спасает активное вмешательство интеллектуалов Запада, в частности поддержка Г. Бёлля. В знак солидарности с диссидентским движением в титовской Югославии стихотворения Коцбека в 1976 г. в переводах В. Бетаки публикует журнал «Континент», орган свободной русской мысли, российского и общеевропейского антикоммунистического освободительного движения представителей «третьей волны» русской эмиграции⁴⁵.

Эдвард Коцбек — уникальный для словенского социокультурного пространства пример соединения в одном лице поэта и мыслителя, его человеческая и творческая судьба зримо воплощает пастиернаковскую формулу: «Не спи, не спи, художник // Не предавайся сну, // Ты вечности заложник // У времени в плену». Свое отношение к миру и своему месту в нем Коцбек достаточно точно выразил в интервью газете «Наши разгledi» («*Naši razgledi*»), которое дал после присуждения премии Прешерна. На вопрос «В чем ваша главная дилемма как творца, конфликт в вас самом или в вашем отношении к окружающей действительности?» писатель ответил так: «Прежде всего, эти разногласия не столько в моем сознании или связаны с поисками стилистического и языкового решения, сколько в моем обостренном отношении к обществу [...]. Мое несогласие с ним не носит политического характера [...], его причина связана с глубоким чувством озабоченности. Задача писателя была и остается в том, чтобы защитить бытие от небытия, правду от лжи, наполненность от пустоты. Эта его функция сегодня важна и необходима во всемир-

* Речь идет об одной из самых трагических страниц истории социалистической Югославии. В последних числах мая 1945 г. несколько десятков тысяч находившихся на территории Австрии беженцев, в том числе военнопленных, воевавших на стороне оккупантов, были переданы англичанами Югославской Народной Армии и массово расстреляны без суда. Среди них было свыше 10 000 словенцев.

ном масштабе [...], идентичность и аутентичность, присушие художнику значительно больше, чем политику и ученому, в наши дни продолжает быть самым устойчивым якорем человечности»⁴⁶. Коцбек стремился быть не просто свидетелем своей эпохи, но и ее творцом, он обретал себя как личность через деятельность — творческую и общественно-политическую. Им двигали поэтический дар и стремление к социальному прогрессу, интеллектуальное любопытство и духовная восприимчивость, он стремился к человечности, «получившей метафизическое значение»⁴⁷ (Н. Бердяев). Этический дискурс и эстетические новации его поэтики, писательская репутация и статус диссидента до сих пор, несмотря на все современные общественно-политические и социокультурные трансформации словенского общества остаются для определенных кругов национальной творческой интеллигенции своеобразным ценностным ориентиром.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Štuhec M.* Edvard Kocbek — umetnik in mislec // *Studia Historica Slovenica*. 2011. Let. 11. Št. 2–3. S. 698.
- ² См.: *Pibernik F., Kocbek J.* Edvard Kocbek: 1904–2004: dokumentarna monografija. *Celje, 2004*; *Omerza I.* Edvard Kocbek: osebni dosje št. 584. Ljubljana, 2010; *Inkret A.* In stoletje bo zardelo: Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2011; *Miklič M.B.* Sredi krute sile nežno trajam: idejno-politična dediščina Edvarda Kocbeka in slovenski kristjani. Celovec, 2017; *Pahor B.* Brez Kocbekovega sodelovanja ne bi bilo Osvobodilne fronte. Ljubljana, 2018.
- ³ *Prunk J.* Mesto Edvarda Kocbeka v panoptikumu slovenskih osebnosti 20. stoletja // *Studia Historica Slovenica*. 2011. Let. 11. Št. 2–3. S. 357.
- ⁴ *Dovič M.* Slovenski pisatelj. Razvoj vloge literarnega proizvajalca v slovenskem literarnem sistemu. Ljubljana, 2007. S. 216.
- ⁵ *Novak Popov I.* Izkušnja in pripoved. Ljubljana, 2008. S. 61.
- ⁶ Цит. по: *Prunk J.* Mesto Edvarda Kocbeka v panoptikumu slovenskih osebnosti 20. stoletja. S. 354.
- ⁷ *Zadravec F.* Edvard Kocbek, Zemlja (1934) // *Slavistična revija*. 2004. Let. Št. 4. S. 381.
- ⁸ Земля и мужество. Современная словенская поэзия. М., 1981. С. 32.
- ⁹ *Vodnik F.* Obrazi novega rodu, Edvard Kocbek // *Dom in svet*. 1935. Št. 1–2. S. 69.
- ¹⁰ *Borko B.* Jutro. 3.1.1935.
- ¹¹ *Koblar F.* Ob pesmi Edvarda Kocbeka // *Slovenec*. 22.12.1934.

- 12 Цит. по: *Prunk J.* Pot krščanskih socialistov v Osvobodilno fronto. Ljubljana, 1977. S. 162.
- 13 *Ibid.* S. 190.
- 14 *Kocbek E.* Osvobodilni spisi I. Uredil P.Kovačič Peršin. Ljubljana, 1991. S. 21.
- 15 *Ibid.* S. 22.
- 16 *Prunk J.* Slovenski narodni program. Ljubljana, 1986. S. 263.
- 17 *Prunk J.* Mesto Edvarda Kocbeka v panoptikumu slovenskih osebnosti 20. stoletja. S. 363.
- 18 *Omerza I.* Edvard Kocbek, osebni dosje št. 584. Ljubljana, 2010. S. 552.
- 19 *Inkret A.* In stoletje bo zardelo. Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2011. S. 193.
- 20 *Dolgan M.* Ljubljana kot socialni in literarni prostor slovenskih književnikov // Primerjalna književnost. 2012. Let. 35. Št. 3. S. 347.
- 21 *Пилько Н.С.* Словения в годы оккупации (1941–1945 гг.) // История Словении. СПб, 2011. С. 346.
- 22 URL: <https://allbible.info/bible/sinodal/isa/8/> Дата обращения: 15.08.20
- 23 *Kocbek E.* Strah in pogum. Ljubljana, 1996. S. 236.
- 24 *Ibid.* S. 236.
- 25 *Ibid.* S. 119.
- 26 *Virk T.* Pod Prešernovo glavo. Ljubljana, 2021. S. 70.
- 27 *Gabrič A.* Slovenska agitpropovska kulturna politika 1945–1952. Ljubljana, 1991 S. 629.
- 28 *Ibidem.*
- 29 *Ильина Г.Я.* Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т.1. 1945–1960-е гг. М., 1995. С. 325.
- 30 *Старикова Н.Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018. С. 17.
- 31 *Kocbek E.* Strah in pogum. S. 235.
- 32 *Kocbek E.* Zbrano delo, 5. Ljubljana, 1994. S. 610.
- 33 *Kocbek E.* Strah in pogum. S. 235.
- 34 *Dovič M.* Slovenski pisatelj. S. 213.
- 35 *Ibid.* S. 214.
- 36 *Inkret A.* In stoletje bo zardelo. S. 344.
- 37 URL: <https://www.poetryinternational.org/pi/poem/5160/auto/0/0/Edvard-Kocbek/MICROPHONE-IN-THE-WALL/en/tile> (дата обращения: 15.08.20). Перевод сделан автором статьи.
- 38 *Kocbek E.* Zbrano delo, 2. Ljubljana, 1993. S. 424.
- 39 *Omerza I.* Edvard Kocbek, osebni dosje. S. 124.
- 40 *Pirjevec D.* Dnevnik in spominjanja // Nova revija. 1986. Let. 45. Št. 5. S. 26.
- 41 *Novak Popov I.* Paradoksi v Kocbekovi poezije // Slavistična revija. 1992. Let 40. Št. 4. S. 480.
- 42 *Novak Popov I.* Sprehodi po slovenski poezije. Maribor, 2003. S. 128.

⁴³ Земля и мужество. С. 41.

⁴⁴ *Pahor B., Rebula A.* Edvard Kocbek: pričevalec našega časa. Ljubljana, 2013 (2. izd.). S. 146.

⁴⁵ См.: *Старикова Н.Н.* Об одной русскоязычной публикации Э. Коцбека (словенский след в журнале «Континент») // Slovenica. Российско-словенские отношения в XX веке. Вып. 4. М., 2018 С.301–318.

⁴⁶ *Kocbek E.* Svoboda in nujnost. Ljubljana, 1989. S. 265.

⁴⁷ *Бердяев Н.Н.* Самопознание: опыт философской автобиографии. СПб., 2015. С. 257.